

Научная статья

УДК 811.133.1'367.626

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-49-63

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТОИМЕНИЯ «NOUS»: ВИДЫ ИНКЛЮЗИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Серебренникова Евгения Федоровна

Иркутский государственный университет,

Иркутск, Россия,

serebr_ef_76@mail.ru, orcid.org/0000-0002-3910-4013

Аннотация. В статье рассматривается проблема изменений в семантике и прагматике одного из центральных элементов системы личных местоимений французского языка — местоимения *Nous*, лежащих в основе усиления его конструктивного потенциала в дискурсе. Актуальность исследования определяется открытостью вопросов теории дискурса и категории лица к разработке концепции эго-системы языка в русле субъектноцентрической категоризации мира. Опора на когнитивно ориентированный лингвосомиотический подход позволяет уточнить, что формула *Nous*, «Je + X», стоящая за знаком, объективирует операциональный концепт инклюзии лица/лиц к позиции эго, что эмергентно порождает оппозитивный концепт эксклюзии. Языковая категоризация данного концепта выводит на представление о результате инклюзии как о группе. Конструируемая целевая группа ограничивается по условиям реализации в дискурсивном времени реализации Мы-высказывания в коммуникации. Критерий сущности семиотического механизма и способа реализации имманентно индексального референциального отношения позволяет выявить два основных вида инклюзии: вид иконической инклюзии и вид ассоциативно-символической инклюзии, а также их подвиды. Обосновываются базовые интерпретанты установленных видов и подвидов инклюзии. Делается вывод о том, что особую значимость в расширении конструктивного потенциала знака *Nous* имеет ассоциативно-символический вид инклюзии. Наряду с уже установленными видами инклюзии по критерию

типа обобщения в формуле *Nous*, предлагаемая классификация может способствовать разработке проблемы языковой категоризации мира в дискурсе посредством эгоцентрических местоименных знаков.

Ключевые слова: эго-система языка, субъектноцентрическая категоризация мира, местоимение *Nous*, инклюзия, иконическая инклюзия, ассоциативно-символическая инклюзия.

Для цитирования: Серебренникова, Е. Ф. (2025). Дискурсивный потенциал местоимения «*Nous*»: виды инклюзии с точки зрения лингвосомиотического подхода. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 49–63. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-49-63>

Original article

UDC 811.133.1'367.626

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-49-63

THE DISCURSIVE POTENTIAL OF THE PRONOUN «NOUS»: TYPES OF INCLUSION FROM THE POINT OF VIEW OF THE LINGUOSEMIOTIC APPROACH

Evgeniya F. Serebrennikova

Irkutsk State University,

Irkutsk, Russia,

serebr_ef_76@mail.ru, orcid.org/0000-0002-3910-4013

Abstract. The article examines the problem of changes in the semantics and pragmatics of one of the central elements of the system of personal pronouns of the French language — the pronoun *Nous*, which underlie the value of its constructive potential in discourse. The relevance of the research is determined by the openness of the issues of discourse theory and the category of person to the development of the concept of the ego-system of language in line with the subject-centered categorization of the world. Relying on a cognitively oriented linguosemiotic approach makes it possible to clarify that the formula *Nous*, «*Je + X*», which stands for the sign, objectifies the operational concept of person/persons inclusion to the Ego position, which generates an oppositional concept of exclusion. The linguistic categorization of this concept leads to an idea of the result of inclusion as a group. The constructed target group is delimited according to the conditions of implementation in the discursive time of the We-utterance in communication. The criterion of the essence of the semiotic mechanism and the method of implementing the immanent indexical referential relationship allows us to identify two main types of inclusion: the type of iconic inclusion and the type of associative-symbolic inclusion, as well as their subspecies. The basic interpretations of the established types and subspecies of inclusion are substantiated. It is concluded that the associative-symbolic form of inclusion is of particular importance in expanding the constructive potential of the *Nous* sign. Along with the already established types of inclusion according to the criterion of the type of generalization in the *Nous* formula,

the proposed classification can contribute to the development of the problem of linguistic categorization of the world in discourse through egocentric pronominal signs.

Keywords: ego-system of language, subject-centered categorization of the world, pronoun *Nous*, inclusion, iconic inclusion, associative-symbolic inclusion.

For citation: Serebrennikova, E. F. (2025). The discursive potential of the pronoun «*Nous*»: Types of inclusion from the point of view of the linguosemiotic approach. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 49–63. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-49-63>

Введение

Местоимение «*Nous*», один из центральных элементов системы личных местоимений французского языка, имеет давнюю традицию изучения в теории местоимений, но по-прежнему вызывает особый интерес в связи с дальнейшей разработкой теории дискурса, категории лица и эго-системы языка в русле концепции субъектноцентрического подхода к онтологии и феноменологии дискурса (Успенский, 2007; Palma, 2012). Местоимение «*Nous*» представляет собой сгусток антиномий (Серебренникова, 2024) и являет признаки расширения и интенсификации своего изначально индексального семиотического потенциала в «дискурсивном времени» высказывания (Скрелина, 1980), что выявляется прежде всего в анализе дискурсивной семантики знака (Синельникова, 2020).

Наращивание лингвопрагматической значимости *Nous* как коммуникативного знака синхронно усилению в современном мире социального измерения медийного дискурсивного пространства и, соответственно, знаков, объективирующих социокультурные, политические, мировоззренческие — идеологические (в терминах М. М. Бахтина) позиции, реализация которых связана с инструментальной дискурсивной практикой конструирования коллективных идентичностей и формирования групп единомышленников, мобилизации общественного мнения, убеждающего или манипулятивного влияния на коллективное сознание (Галямова, 2016; Газарова, 2022). Посредством знака *Nous* (равно как и его коррелятов в других языках — мы, we, wir, noi и т. д.) экономным способом происходит умная настройка взаимодействия и проецирование всего дискурса в параметрах всеми понимаемого ближайшего значения знака. В критическом анализе дискурса обосновывается концепция Мы-дискурса, организованного вокруг концепта «Мы», репрезентированного вариативными способами и связанного с дискурсивизацией смыслов концептуальной области «своих», «наших» в их противопоставленности «иным», «не нашим», «чужим» в обществе (Wodak, 2009). В праксематической лингвистике Мы-высказыванию, в котором подлежащее выражено местоимением *Nous*, придается значимость перформативного акта речи, иллокутивная сила которого состоит не в указании говорящим на некоторую группу, но в ее создании

в дискурсивном пространстве: «*Le nous permet non seulement d'exprimer le groupe, le parti ou la nation mais les performe*» («Мы» позволяет не только обозначить группу, партию или нацию, но и создать их (здесь и далее перевод наш. — Е. С.)) (Bouzereau, 2022). В этом качестве знак Nous образует зону дискурсивного пространства с сильной акциональной доминантой «дискурса власти и власти дискурса» (Чернявская, 2006), развиваемого в социальном, политическом и других типах дискурса интенсивного речевого воздействия. Это знак создания целевой группы в коммуникативном пространстве для ее ограничения, мобилизации, сплочения, выражения эмпатии, солидарности, прославления, отчуждения, осуждения, изоляции и т. д. Часто размышление о проблемах формирования общих социальных смыслов в данном обществе риторически оформляется посредством Мы-конструкции, в частности с помощью вопроса «*Qui pourra dire "nous"?*» (Кто имеет право говорить «мы»?) (Papillon, 2014). Наблюдаемые семиотические изменения определяют важность обращения к категориальным характеристикам местоимения, обуславливающим его конструктивный потенциал в дискурсе разных типов (Крапивкина, 2018).

В статье ставится задача рассмотреть проблему позиции знака Nous в эго-системе французского языка путем уточнения его статуса в ситуации личного дейксиса, раскрытия семиотической формулы местоимения и обоснования подхода к классификации инклюзивных значений в Мы-высказываниях на основании различий в механизмах и способах реализации референциального значения. Методология исследования опирается на логическую интерпретативную концепцию означивания Ч. С. Пирса, выделяющую иконические, индексальные и символические знаки; теорию местоимений как репрезентантов исходных смысловых категорий в языке (Шведова, 1995), теорию личных местоимений французского языка в связи с категорией субъектности и личностью говорящего, а также трактовкой ассоциативного компонента в местоименной семантике в метонимическом ключе (Blanche-Benveniste, 1994), положения о когнитивно-операциональной природе дискурса (Vignaux, 1988). В исследовании применяются методы наблюдения, анализа и синтеза, классификации, дискурсивный анализ, метод интерпретативного анализа. Материал для анализа составили 150 Мы-высказываний, компонентом которых является местоимение Nous. В качестве источников выступают тексты словарей французского языка, художественной литературы, медиатексты и научные статьи, размещенные на платформе ACADEMIA (<https://www.academia.edu>) и отобранные в период с ноября 2024 года по январь 2025 года.

Концепт инклюзии

Категория лица являет собой центр эго-системы языка. Под эго-системой понимается совокупность знаков, прежде всего местоименных, отражающих

восприятие и осмысление мира в координатах личного дейксиса, который помещает в свой центр эго, вокруг которого референциально выделяются и позиционируются другие лица, что организует таким образом структурируемый дискурсивный мир (Kerbrat-Orecchioni, 1980) и выявляет особые пути и способы языковой категоризации мира. Местоимение *Nous* как эгоцентрический знак, синкретизирующий формулу «Я + некто», входит в ядро эго-системы и в своем категориальном значении имплицитно операциональный концепт инклюзии, отражающий когнитивную операцию ассоциативного включения, притяжения к себе других лиц и его результат — включенность, единение, сопричастность. Иначе говоря, инклюзия представляет ассоциативное указательное включение (и включенность) некоторого лица (лиц) в позицию эго по идентифицирующему референциальному отношению в означивании в соответствии с различными признаками-критериями в динамике дискурсивизации. Отметим, что данный аспект выделенности и отделенности одних лиц от других, в случае его акцентуации, получает семиотическую репрезентацию в обороте *Nous les autres* (*Мы, другие*). Инклюзия как выделение и объединение лиц из некоторого множества по основанию идентичности с эго осмысливается на фоне эмергентного, т. е. возникающего в процессе реализации дискурса, признака инаковости. Идентичность, определяемая в модусе сопоставления, сравнения, отождествления, оценивания, может быть осмыслена только на фоне инаковости. Данная семантическая дихотомия, «идентичность – инаковость», устанавливает необходимую дополнительную двух векторов когниции и создает условие для эффекта совмещения инклюзии с эксклюзией в коммуникативном дискурсивном пространстве: включением, притяжением в позицию эго одних лиц и отторжением и исключением других лиц из позиции эго.

Семиотическая формула знака

В общей проблематике изучения *Nous* выделяется два основных взаимосвязанных аспекта: раскрытие семиотической формулы знака и трактовка значения инклюзии с точки зрения реализации референциального отношения во французском языке.

Дейктическая формула *Nous* имеет в виде константы субъектную позицию *Je/Moi*, учитывающую системную раздвоенность местоименных форм, но в различных концепциях предполагает вариативность в представлении второго компонента формулы (Salins, 2002). Данная вариативность отражает возможные параметры личного дейксиса, которые простираются от характеристик ситуации в хронотопе «Я-ты-здесь-сейчас» до характеристик ситуации вне и шире данного хронотопа. В первом случае формула включает в себя, соответственно, присутствующие или отсутствующие лица — актанты ситуации прямого дейксиса, о которых идет речь: [*Je + tu; Je + vous, Je + il, ils*], при этом отсылка к *il, ils* не может во всех случаях отвечать требованию

прозрачной, определенной референции, что объясняет большую распространенность формулы *Nous* в виде [Je + un Autre, des Autres]. Вместе с тем, если следовать данному пути включения всех возможных лиц-актантов в позицию эго с учетом параметров дейксиса, то надо согласиться с мнением о необходимости использования еще более инклюзивно открытого знака, нежели *des Autres*, для обозначения второго компонента формулы *Nous* в виде [Je + X] (Palma, 2014). В этом случае появляется возможность ввести в позицию эго и второго (третьего и т. д.) Je, обладающего в данной ситуации признаками 1-го лица, локутора и субъекта высказывания, что можно наблюдать в случае некоторого «хора», например скандирования лозунга, одновременно высказываемого мнением некоторым множеством говорящих в коммуникативной ситуации.

При этом особую важность приобретает трактовка в формуле самого знака *Je* не только как знака грамматической категории лица, маркера коммуникативного статуса 1-го лица, но и с точки зрения концептуально углубленного понимания его как маркера субъектности в языке (Бенвенист, 1974). Сложность понятия «субъект», о которой говорит Ж. Дюкро, включающая в себя такие ипостаси, как «лицо, воспринимающее мир», «лицо — концептуатор и интерпретатор смысла», «лицо, формулирующее высказывание и (не-)берущее за него ответственность», «лицо, высказывающее смысл устно или письменно» (Ducro, 1984), наталкивает на мысль о необходимости иного подхода к знаку *Je* в формуле *Nous*. Речь должна идти о *Je* как о «следе субъекта», на что справедливо указывает К. Кербрат-Ореккиони (Kerbrat-Orecchioni, 1980). Таким образом, первая позиция в формуле *Nous*, репрезентированная константой *Je*, должна, соответственно, пониматься в более широкой, когнитивно трактуемой рамке «позиции эго», с которой *Je* соотносится метонимически, в причинно-следственной связи репрезентанта ментально более глубокого феномена.

Следует отметить, что коммуникативная дейктическая онтология инклюзивной формулы *Nous* в виде [Je + X] отражает гибкость позиции эго и возможность модуляции компонентов в интеракциональной языковой «игре» (воспользуемся термином Л. Витгенштейна). Отмечая признаки аллюзивности и подвижности компонентов формулы, Б. Потье пишет, что есть возможность доминирования либо *Je*, либо X: «Si le x est flou et allusif, le JE prend toute la place et c'est le nous dit de Majesté, ou d'humilité (fausse majesté). À l'inverse, si le JE disparaît devant x, l'effet de sens évoque le tu allocuté : "Alors, nous faisons la mauvaise tête?!"» (Если «X» нечетко и аллюзивно, «Я» занимает всю позицию, и в этом случае имеет место «Мы» величественное или «Мы» уничижительное (ложное «Мы»). Если, напротив, «Я» исчезает перед лицом «X», смысловой эффект восходит к значению «Ты»: Ладно, мы сердимся?) (Pottier, 2002, с. 237–238).

Инклюзия, которая конституируется структурной формулой *Nous* [Je + X], как видим, отражает различные референциальные векторы реализации в параметрах ситуаций дейксиса и ассоциированность ее составляющих в концептуальной субъектноцентрической рамке эго-системы. Отсюда возникает один из самых дискуссионных вопросов теории местоимения *Nous*, касающихся

сущности ассоциативного значения, его базовых признаков, а также способов реализации референциального отношения в Мы-высказываниях.

В романистике представляется уже преодоленным утверждение, что *Nous* предполагает и означает множество *Я* (*Je*) (Есперсен, 1958; Успенский, 2007), стоящего в оппозиции к *Je* в парадигме числа в системе личных местоимений. Очевидно в этом плане, что инклюзивная формула объективирует ассоциативный интегральный смысл, по своей семантике отражает включение лиц-актантов референциальной ситуации в позицию эго. Данное категориальное интегральное значение *Nous* можно поэтому определить как эгоцентрическое инклюзивное (точнее, инклюзивно-экслюзивное) значение, указывающее на некую группу, объединенную в позиции эго на основании идентичности/инаковости по определенным основаниям. Определение местоимения *Nous*, данное в словаре Larousse, опирается именно на понятие группы: *Nous représente le locuteur et une ou plusieurs autres personnes constituant avec lui un groupe...* («Мы» представляет говорящего и еще одного или несколько лиц, ставящих с ним группу...) (Dictionnaire Larousse, URL). При этом *un groupe* представляет собой собрание людей, имеющих между собой нечто общее: «*Ensemble de personnes ayant qqch en commun*» (Совокупность людей, имеющих между собой нечто общее) (Micro Robert, 1971, с. 508). Данное значение открывает перспективу аксиологической интенсификации компонента «общее», «объединяющее», «причастное», позволяя в дискурсе конструировать группу единомышленников, группу единоверцев, региональную, национальную или этническую группу, политическую или партийную семью, профессиональный коллектив, группу как корпорацию и т. д., с различными прагматическими целями. Одновременно семантическая дихотомия «инклюзия – экслюзия», основанная на оппозиции «идентичность – инаковость», помещает концептуально насыщенный знак *Nous* в область базовой когнитивной оппозиции «свой – чужой» в аспекте «наши – не наши».

Семантика эгоцентрического инклюзивного значения *Nous*, указывающего на некоторую группу в референциальной ситуации, раскрывается в терминах генерализации (обобщения), собирательности, определенности и неопределенности, четкости и нечеткости, стертости или профилирования субъектного значения *Je* в формуле, подвижности, аллюзивности, анафоры.

Одной из известных и авторитетных концепций выделения видов инклюзивных значений, реализуемых на основе употребления местоимения *Nous*, является концепция Б. Потье (Pottier, 2002). Ключевым для классификации и раскрытия семантики *Nous* принимается тип генерализации, обобщения в актуализируемой инклюзии. Различные виды инклюзии, согласно Б. Потье, образуются посредством определенного вида экстенсий формулы *Nous*. В этой связи выделяются: *nous quantifié* (*nous deux, nous quatre etc*) (Мы счетное); *nous totalisant* (*nous tous*) (Мы всеобъемлющее); *nous oppositif* (*nous seuls, et pas les autres*) (Мы оппозитивное, противительное); *nous sociatif* (*nous aussi, avec les autres*) (Мы социативное, объединительное), *nous intensif* (*nous-mêmes, sans*

les autres) (Мы интенсивное, выделительное); et **nous spécifique**, (nous, les commerçants... (Мы обособляющее). Ученый объясняет особенность последнего значения следующим образом: *Le nous est argumenté de l'intérieur*: «ous, les commerçants, demandons que...» «ous, qui sommes ici, exigeons que...» «Nous-autres [sic], commerçants, demandons que...» *On s'oppose globalement à ceux qui sont différents*: «Nous-autres sommes d'un avis contraire» («Мы» аргументировано изнутри: мы, коммерсанты, просим, чтобы...» «мы, присутствующие здесь, требуем, чтобы...»). Тем самым говорящий реализует общее противопоставление всем другим, отличающимся от указанных лиц: «Мы, те, которых я назвал, имеем другое мнение») (Idem, с. 239).

Принимая во внимание выделенные типы инклюзивных значений Nous, поставим задачу выделить виды инклюзии в Мы-высказываниях с лингвосомиотических позиций, т. е. точки зрения самого способа реализации индексального дейктического означивания референта, который, будучи репрезентированным в знаке, определяет интерпретацию референта.

Виды инклюзии с точки зрения способа реализации референциального отношения

Предварительное описание материала и его анализ позволяют выделить два базовых механизма реализации означивания референта, репрезентантом которых является Nous как элемент Мы-высказывания: **механизм иконической инклюзии** и **механизм ассоциативно-символической инклюзии**.

Механизм иконической инклюзии состоит в указании на определенное лицо (лица) — актант в координатах текущей, актуальной коммуникации, в соответствии с условиями и обстоятельствами ситуации прямого дейксиса. Фундаментально индексальный способ означивания посредством личных местоимений реализуется иконическим способом. Актантная структура Мы-высказывания объясняет семантическую формулу Nous по принципу тождества, подобия с актантной структурой референциальной ситуации в хронотопе «Я-ты-здесь-сейчас». Первый компонент, *Je*, репрезентирует 1-е лицо как актора, субъекта говорящего, второй компонент обозначает актанты ситуации: либо лиц, присутствующих «здесь и сейчас»; либо лиц, известных говорящим и четко опознаваемых по единой с «Я» ситуативной актантной роли. Формула Nous и структурируемая группа-референт воспринимаются и осмысливаются в координатах прозрачной референции, позволяющей физически, индивидуально увидеть, воочию представить членов группы. Условием для иконического вида инклюзии является возможность верификации в идентификации референтной группы по обстоятельствам речевой ситуации, в том числе в соответствии с пресуппозициями или по анафорической связи в контексте коммуникации. В качестве мотивирующего инклюзию интегрального значения группы выступает признак совместного действия или однородного состояния.

По данным нашего анализа, выделяются следующие контекстуально обусловленные подвиды иконической инклюзии:

1. **Эквивалентное точечному жесту указание** на состав группы в диалоге, в контексте спора, дискуссии, обсуждения: *Je préfère partir avant que cette discussion ne nous emmène trop loin, toi et moi!* (Я предпочитаю уйти, пока эта ссора не завела нас слишком далеко, тебя и меня!) (Pancoi, 2006, с. 19).

2. **Указание на ряд**, последовательный просмотр лиц в группе-референте: *Moi, Hortence et Zoé, nous sommes tous trahi par toi!* (Я, Гортензия и Зоэ, мы все преданы тобой!) (Pancoi, 2006, с. 36].

3. **Однозначное восстановление** ограниченной по составу, сплоченной, индивидуализированной группы, представитель которой, говорящий, высказывает мнение от ее имени: *Je ne voudrais pas qu'il devienne trop familier avec nous. Ce garçon a vraiment mauvaise réputation avec ses pantalons trop larges et ses cheveux trop longs!* (Я не хочу, чтобы он был с нами накоротке. У этого мальчишки с его слишком широкими штанами и слишком длинными волосами действительно плохая репутация!) (Pancoi, 2006, с. 37). Такого рода группа может являть собой, например, определенную семью или определенную компанию: *Nous engageons Chaval, nous le laissons s'échiner sur les épines du présent et nous voguons sur l'écume de demain!* (Мы примем на работу Шавалья, мы оставим его выкручиваться из всех проблем, и мы отправимся в путешествие по волнам!) (Pancoi, 2006, с. 61).

Расширением данного вида иконической инклюзии, метонимически идущим от хронотопа «Я-ты-здесь-сейчас», является замещение данного хронотопа в его целостности знаком *Nous*, приобретающим при этом социативное значение: *En même temps, nous entrons dans la période de Noël. Mon mari va partir avec nous en vacances quelques jours* (Между тем сейчас наступает период Рождества. Мой муж поедет с нами на каникулы на несколько дней) (Pancoi, 2006, с. 258).

Механизм ассоциативно-символической инклюзии конституируется метонимическим переносом «Ты, Вы» из сферы действительных, индивидуализируемых лиц в группе-референте в аллюзивную сферу возможных «Ты, Вы», для которых оправданно обозначение *X* в семиотической формуле *Nous*. Условность, отсутствие естественной дейктической мотивации группы-референта в знаке *Nous* в тождественном соответствии с хронотопом и актантной структурой референциальной ситуации позволяют считать данный вид инклюзии символическим. С точки зрения порождения данного вида инклюзии на передний план выходит ассоциативный способ осмысления субъектом возможного и значимого для него основания для эгоцентрической инклюзии. С точки зрения интерпретации такой инклюзии важно понимание имплицитного субъектно, каузативного по метонимическому механизму, субстанционально-дескриптивного декодирования семантики *Nous* в реализуемом Мы-высказывании (шире — Мы-дискурсе).

Наш анализ показывает, что систематизация подвидов данной инклюзии имеет градуальный характер, отражающий убывание определенности

и нарастание неопределенности и нечеткости, виртуальности в референциальном отношении. Выделяются следующие основные подвиды ассоциативно-символической инклюзии.

1. **Всеобъемлющая инклюзия**, условием которой служит принадлежность лиц к роду человеческому: *Singe, ayant des bras et des mains, s'en sert comme nous, mais sans songer à nous* (Обезьяна, имея верхние конечности, пользуется ими как мы, не задумываясь о нас) (Littre, 1966, с. 823).

2. **Собирательная инклюзия по ситуативно важному основанию**, условием которой является принадлежность лиц к одной национальности, этническому происхождению, месту рождения или проживания: *La fumée des villages que les ennemis nous brûlent. Tout tourne contre nous* (Дым от наших деревень, которые сжигает враг. Все оборачивается против нас) (Littre, 1966, с. 824). В данном случае возможно нарастание условности в референциальном отношении, например в рамках взгляда на национальное общество в векторе от настоящего к прошлому, который в определенной степени валидируется знанием исторических фактов: *Rome autrefois nous trompa, nous désunit, nous massacra* (В давние времена Рим нас обманывал, нас разъединял, нас уничтожал) (Littre, 1966, с. 825].

3. **Собственно символическая инклюзия**, условием которой выступает ярко выраженное категориальное отношение «идентичность – инаковость», утверждаемая идентичность и предполагаемое единство взглядов, мнения в некоторой конфликтогенной ситуации, позволяющее формирование групп единомышленников по проблемно осмысляемому предмету речи: *Soyons à la mesure de nos rêves. Regarde-toi: nous t'attendons* (Будем на высоте нашей мечты! Взгляни на себя: мы тебя ждем) (Legois, 2018, с. 74).

Символизм в подобного рода эгоцентрической инклюзии имеет двоякий характер. С одной стороны, речь идет о конструируемой в дискурсе общности, когда реальность *Nous* условна, она либо утверждается, либо дискутируется. С другой стороны, речь идет о порождаемом символизме, который, как определяет А. Ф. Лосев, представляет собой свернутый код, ключ для декодирования ценностного концепта определенной референциальной сферы, репрезентирующего некий фрагмент картины мира (Лосев, 1995).

Приведем еще несколько примеров, имея в виду, что именно данный вид эгоцентрической инклюзии лежит в основе усиления лингвопрагматического потенциала *Nous* в современном медийном пространстве. Материалом для анализа послужили статьи, размещенные на научной платформе Academia, в заголовках которых используется знак *Nous*.

Референциальной сферой Мы-высказывания может быть этика:

La pensée deontologique de Habermas et de la pensée herméneutique de Ricœur ont un ennemi commun : la Sittlichkeit, la moralité sociale, qui pense nous entre je et dieu... (Деонтологическая мысль Хабермаса и герменевтическая мысль Рикера имеют общего врага: социальную мораль, которая осмысляет «мы» между «Я» и богом) (Hunyadi, 2014, URL).

Исходя из контекста, интерпретанта здесь следующая: *Nous* — это символ для обозначения модуса осмысления и означивания морали (*entre je et dieu*) между индивидуальным, частным и общим, социальным. Субстанционально-дескриптивное декодирование семантики *Nous* представляется в следующем виде: это сущность содержания того, что мыслится в модусе «Я и Бог».

Референциальной сферой Мы-высказывания может быть социология, касающаяся проблем обыденной жизни членов общества: *On se penche sur Nous autres, et sur la dynamique d'inclusion et d'exclusion que suppose le pronom «nous»...* (Мы сосредоточиваемся на понятии «мы другие» и на динамике инклюзии и эксклюзии, которое предполагает местоимение «мы») (Papillon, 2014, URL).

Исходя из контекста, интерпретанта в данном случае следующая: *Nous autres* — это символ истинного основания для объединения людей в обществе, а именно различий между ними по этническим, культурным, языковым, психологическим признакам. Субстанционально-дескриптивное декодирование представляется в следующем виде: *Nous autres* — это люди, объединенные различиями, в отличие от *Я* (*un «je» singulier*), изолированного от других в своей единственности и замкнутого в своей единичности.

Референциальной сферой Мы-высказывания может быть философия и размышление о персональной аксиологии современного человека:

Ce «nous» athénien fait allusion à plusieurs personnes qui se réunissent pour avancer ensemble, décidant de leur avenir qu'ils partagent ensemble, entre semblables.... Notre liberté, à nous, au contraire, doit se composer de la jouissance paisible de l'indépendance privée, on a une supposition abstraite de notre la souveraineté nationale (Это афинское «мы» аллюзивно отсылает к множеству лиц, которые собираются вместе, между себе подобными... Наша свобода, свобода для нас, напротив, должна состоять в умиротворенном наслаждении индивидуальной независимостью, представление о национальном суверенитете абстрактно в нашем сознании) (Roume, 2021, URL).

Исходя из контекста, интерпретанта в данном случае следующая: *Nous* — это символ для обозначения личностной причастности, ангажированности в общественные дела, судьбу общества, отечества. Субстанционально-дескриптивное декодирование представляется в следующем виде: *Nous* — это люди, объединенные общей целью продвигаться вперед, в оппозиции к *он* как необъединенного множества людей, мирно наслаждающихся жизнью в своей индивидуальной, частной независимости от других.

Заключение

Дискурсивный потенциал местоимения «*Nous*» как одного из центральных элементов эго-системы языка и «следа» субъекта, выявляется в способах реализации референциального отношения его семиотической инклюзивной

формулы «Je + некто». Инклюзия определяется как операциональный концепт, который представляет особый ментальный процесс и результат: ассоциативное включение (и включенность) некоторого лица (лиц) в позицию эго по идентифицирующему отношению в соответствии с различными признаками-критериями в динамике реализации дискурса. Языковая категоризация данного концепта выводит на представление об объединении лиц как о группе. Выделение и притяжение лиц из некоторого множества по основанию идентичности с эго осмысливается на фоне эмергентного признака инаковости, лежащего в основе концепта эксклюзии. Наряду с уже установленными видами инклюзии по критерию типа обобщения в актуализованной инклюзии (Nous счетное, всеобъемлющее, противительное, социативное, выделительное, обособляющее), целесообразна классификация видов инклюзии по критерию механизмов и способов реализации референциального отношения и отграничения целевой группы в дейктической ситуации. В русле лингвосемиотического подхода в этом случае определяются условия выделения группы, а также отграничиваются параметры содержательной интерпретации выделяемых таким образом видов инклюзии. На основании данных критериев устанавливаются два базовых вида эгоцентрической инклюзии: иконическая и ассоциативно-символическая, — а также выявляются их подвиды. Выделенные виды инклюзии объясняют возможности значительного расширения диапазона коммуникативного дискурсивного потенциала Мы-высказываний, которое можно представить метафорически как семиотическую «иррадиацию» знака в различные референциальные сферы: от обыденного разговора к акциональной сфере медийного социального пространства, а также к научной сфере антропологического знания, другим типам дискурса. Особую лингвопрагматическую значимость приобретает собственно символический вид инклюзии. Дальнейшее изучение в этом направлении будет способствовать более глубокой разработке проблем эго-системы языка и субъектноцентрической категоризации мира с учетом этнокогнитивного фактора ее формирования и реализации.

Список источников

1. Бенвенист, Э. (1974). *Общая лингвистика*. Прогресс.
2. Газарова, Д. (2022). Прагматический и манипулятивный потенциал личных местоимений в политическом дискурсе. *Вестник Ереванского университета. Русская филология*, 43–56.
3. Галямина, Ю. Е. (2016). Мы — они: как в дискурсе Владимира Путина разных лет конструируется идентичность. *Полис. Политическая наука*, 5, 152–167.
4. Есперсен, О. (1958). *Философия грамматики*. Издательство иностранной литературы.
5. Крапивкина, О. А. (2018). Прагматический потенциал местоимения мы в юридических дискурсивных практиках. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки*, 3, 90–98.
6. Лосев, А. Ф. (1995). *Проблема символа и реалистическое искусство*. 2-е изд. Искусство.

7. Синельникова, Л. Н. (2020). Дискурсивная семантика личных местоимений. *Вестник Воронежского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2, 21–28.
8. Серебренникова, Е. Ф. Местоимение *nous*: к проблеме системных оснований конструктивного потенциала в дискурсе. *Вестник БГУ. Филология*, 3, 3–13.
9. Скрелина, Л. М. (1980). О концептуальной схеме предложения. *Издательство ЛГПИ им. А. И. Герцена*.
10. Успенский, Б. А. (2007). *Ego loquens: Язык и коммуникативное пространство*. Российский государственный гуманитарный университет.
11. Шведова, Н. Ю., & Белоусова, А. С. (1995). *Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий*. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
12. Чернявская, В. Е. (2006). *Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия*. Флинта.
13. Blanche-Benveniste, C. (1984). *La personne humaine et les pronoms*. Presses Universitaires de Lille.
14. Bouzereau, C. (2022). Usages et fonctions du nous dans le discours politique. *Cahiers de praxématique*, 77, 4–78.
15. Dictionnaire Larousse. <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/nous/55115>
16. Ducrot, O. (1982). La notion du sujet parlant. *Recherches sur la philosophie et le langage*, 2, 65–93.
17. Hunyadi, M. (2014). *Entre je et dieu: nous*. https://www.academia.edu/78483269/Entre_je_et_dieu_nous
18. Kerbrat-Orecchioni, C. (1980). *L'Énonciation de la subjectivité dans le langage*. A. Colin.
19. Legois, J.-Ph. (2018). *Les slogans de 68*. Editions First.
20. Littrée, E. (1966). *Dictionnaire de la langue française*. Gallimard.
21. Micro Robert. (1971). *Dictionnaire du français primordial*. Dictionnaire Le Robert.
22. Palma, S. (2014). *Les pronoms personnels en emploi générique*. <https://journals.openedition.org/praxematique/3958>
23. Pancol, K. (2006). *Les yeux jaunes des crocodiles*. Albin Michel.
24. Papillon, J. (2014). *Qui pourra dire «nous»? [https://www.academia.edu/77361420/ Qui_pourra_dire_nous_email_work_card=view-paper](https://www.academia.edu/77361420/Qui_pourra_dire_nous_email_work_card=view-paper)*
25. Pottier, B. (2002). *Autour de «nous». Les facettes du dire. Hommage à Oswald Ducrot*. Kimé.
26. Roume, S. (2021). *Du «nous devenons» athénien au «on est» contemporain*. https://www.academia.edu/83477016/Du_nous_devenons_ath%C3%A9nien_au_on_est_contemporain_email_work_card=thumbnail
27. Salins de, G-D. (2002). *Grammaire pour l'enseignement*. Didier/Hatier.
28. Vignaux, G. (1988). *Le discours acteur du monde. Énonciation, argumentation et cognition*. Ophris
29. Wodak, R. (2009). *Discursive construction of national identity*. Edinburgh University Press.

References

1. Benveniste, E. (1974). *General linguistics*. Progress. (In Russ.).

2. Gazarova, D. (2022). The pragmatic and manipulative potential of personal pronouns in political discourse. *Vestnik Erevanskogo universiteta. Russkaya filologiya*, 43–56. (In Russ.).
3. Galyamina, Yu. E. (2016). We are them: how identity is constructed in Vladimir Putin's discourse of different years. *Polis. Politicheskaya nauka*, 5, 152–167. (In Russ.).
4. Espersen, O. (1958). *The philosophy of grammar*. Izdatel'stvo inostranoj literatury'. (In Russ.).
5. Krapivkina, O. A. (2018). The pragmatic potential of the pronoun we in legal discursive practices. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series «Humanitarian and Social Sciences»*, 3, 90–98. (In Russ.).
6. Losev, A. F. (1995). *The symbol problem and realistic art*. 2nd ed. Iskusstvo. (In Russ.).
7. Sinelnikova, L. N. (2020). Discursive semantics of personal pronouns. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2, 21–28. (In Russ.).
8. Serebrennikova, E. F. The pronoun nous: on the problem of the systemic foundations of constructive potential in discourse. *Bulletin of the BSU. Philology*, 3, 3–13. (In Russ.).
9. Skrelina, L. M. (1980). *About the conceptual scheme of the proposal*. Izdatel'stvo LGPI im. A. I. Gercena. (In Russ.).
10. Uspensky, B. A. (2007). Ego loquens: Language and communicative space. *Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet*. (In Russ.).
11. Shvedova, N. Yu., Belousova A. S. (1995). *The system of pronouns as an outcome of the semantic structure of the language and its semantic categories*. V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
12. Tchernyavskaya, V. E. (2006). *The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence*. Flinta. (In Russ.).
13. Blanche-Benveniste, C. (1984). *The human person and pronouns*. University Press of Lille.
14. Bouzereau, C. (2022). Uses and functions of the we in political discourse. *Praxematics Notebooks*, 77, 4–78.
15. Larousse Dictionary. <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/nous/55115>
16. Ducrot, O. (1982). The notion of the speaking subject. *Research on philosophy and Language*, 2, 65–93.
17. Hunyadi, M. (2014). *Between me and god: we*. https://www.academia.edu/78483269/Between_I_and_gody_us
18. Kerbrat-Orecchioni, C. (1980). *The Enunciation of subjectivity in language*. A. Colin.
19. Legois, J.-Ph. (2018). *The slogans of 68*. First Editions.
20. Littrée, E. (1966). *Dictionary of the French language*. Gallimard.
21. Micro Robert. (1971). *Dictionary of primordial French*. Dictionary Le Robert.
22. Palma, S. (2014). *Personal pronouns in generic use*. <https://journals.openedition.org/praxematique/3958>
23. Pancol, K. (2006). *The yellow eyes of crocodiles*. Albin Michel.
24. Papillon, J. (2014). *Who will be able to say «we»? https://www.academia.edu/77361420/_who_will_we_be?email_work_card=view-paper*
25. Pottier, B. (2002). *Around «us». The facets of saying. Tribute to Oswald Ducrot*. Kimé.

26. Roume, S. (2021). *From the Athenian «we become» to the contemporary «we are»*. https://www.academia.edu/83477016/Du_nous_devenons_ath%C3%A9nien_au_on_est_contemporain?email_work_card=thumbnail
27. Salins of, G-D. (2002). *Grammar for teaching*. Didier/Hatier.
28. Vignaux, G. (1988). *Discourse the actor speech of the world. Enunciation, argumentation and cognition*. Ophris.
29. Wodak, R. (2009). *Discursive construction of national identity*. Edinburgh University Press.

Информация об авторе / Information about the author

Евгения Федоровна Серебренникова — доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Иркутского государственного университета.

Evgeniya F. Serebrennikova — D. Sc. (Philology), Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Irkutsk State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.